

Теория права и государства

УДК. 340-1

АЛЬБОВ Алексей Павлович¹

¹РАЖВиЗ И.С. Глазунова, профессор МГК им. П.И. Чайковского; Институт мировых цивилизаций – Москва, 1-й Басманный пер., 3 строение 1, 107078, Россия.

<https://famous-scientists.ru/3984>

¹Альбов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права факультета «Современного права», Москва, Россия (E-mail: aap62@yandex.ru)

СИМВОЛ КАК ФОРМА ЭМОТИВНОГО ЯЗЫКА В ПРАВЕ И ИСКУССТВЕ В НЕОПОЗИТИВИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А. РИЧАРДСА

Аннотация

Предмет/тема. Интегральная неопозитивистская юриспруденция на основе методологии А. Ричардса, рассматривающая символ как высшую форму эмотивного языка в праве и искусстве.

Цели/задачи. Доказать, что разновидность символов как невербальных нормативных предписаний и принципов социально-значима в контексте социологического правоприменения. Разработка парадигмы по повышению качества законотворческой деятельности на основе герменевтической техники и онтологического смысла символа в юриспруденции.

Методология. Герменевтика, компаративистика, аналитическое сравнение.

Вывод. В статье показывается, что символы могут представлять собой разновидность невербальных нормативных предписаний и принципов, при этом символ может редуцироваться в правовое установление; доказывается, что язык является средством дискурсивного познания посредством знаков, и символический способ выражения понятий в языке имеет свое гносеологическое значение; Ричардс в теории неопозитивизма развивает парадигму, согласно которой социальный опыт накапливается и транслируется с учетом того, что он должен быть аккумулирован и сообщен во вне, доказывается, что с его точки зрения искусство и нормы права представляют собой высшую форму коммуникативной деятельности, с этой идеей связан и подход к праву и искусству как символам, в которых заложены нормы и социальные контенты.

Ключевые слова: неопозитивизм в праве, норма права, коммуникативная теория права, юридический символ, эмотивный язык права, неопозитивистская концепция А. Ричардса

JEL classification: K20.

Theory of State and Law

Albov Aleksey Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Professor of P.I. Tchaikovsky Moscow State Conservatoire; Professor of I.S. Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Contemporary Law of the Institute of World Civilizations, Moscow (E-mail: aap62@yandex.ru)

**SYMBOL AS A HIGHER FORM OF THE EMOTIVE LANGUAGE IN
LAW AND ARTS WITHIN THE NEO-POSITIVE CONCEPT OF A.
RICHARDS**

Abstract

The subject / topic: The article presents the concept of the integral neo-positivism jurisprudence based on the A. Richards' s methodology, considering the symbol as the highest form of an emotive language in law and art.

Goals / objectives: The study was aimed to prove that the variety of symbols as non-verbal normative prescriptions and principles is socially significant within the context of sociological enforcement as well as to develop a paradigm for improvement of the law-making activity quality on the basis of both the hermeneutic technology and the ontological meaning of the symbol in jurisprudence.

Methodology: Within this study such research methods as hermeneutics, comparative studies and analytical comparison have been employed.

Conclusion The article shows that symbols can be a kind of non-verbal normative regulations and principles, while the symbol can be reduced to a legal definition. It is shown that language appears as a mean of discursive cognition by virtue of the signs and the symbolic way of expressing concepts in language has its own epistemological value. In his neo-positivism theory A. Richards develops a paradigm according to which social experience is accumulated and translated taking into account the fact that it must be accumulated and communicated outside. It is also proved that from A. Richards' point of view the art and the rule of law act as the highest forms of communicative activities which leads to a special approach to the law and the art as symbols in which norms and social contents are laid down.

Keywords: *neo-positivism in law, rule of law, communicative theory of law, legal symbol, emotive language of law, neo-positive concept of A. Richards*

Право формируется и закрепляется в каждой нации и в каждой культуре в зависимости от многих взаимосвязанных факторов: в основе права лежат и обычаи, и традиции, религиозные нормы и представления народа о добре и зле, целесообразности и справедливости, нужности и полезности тех или иных общественных отношений. Если говорить о праве в узком смысле и значении, то это - система предписаний, которые государство объявило общеобязательными, охраняет их, и накладывает санкции за нарушение. Если говорить о сущности права с точки зрения исторического и логического, то «право – система исторически возникших правил поведения, являющихся масштабом свободы равных субъектов, отношения между которыми социально значимы, являются частью общественного порядка и поэтому обеспечиваются государством при выполнении им общих дел населения» [1, с.34]. Как неоднократно повторял В.С. Нерсесянц: право – общеобязательная система норм, соответствующая принципу формального равенства [2].

Следовательно, вопреки устоявшемуся в советской юриспруденции убеждению, юридические нормы становятся общеобязательными, их народ соблюдает, уважает, охраняет и требует принятия санкций в случае их

нарушения только в том случае, если они являются порождением самого народа (правосознания и правовой культуры общества). Такие нормы охраняются государством, потому что являются общеобязательными в силу полезности, а не потому что так установило само государство, в противном случае в обществе формируется правовой нигилизм, и такое социальное явление, которое принято называть: «законы не работают».

В обществе право закрепляет форму общественных отношений и регулирует реальные фактические связи, обнаруживая себя в единстве трех взаимосвязанных моментов: формальное равенство, свобода, и право как справедливость. Следовательно, право есть порождение культуры общества, и его важнейшая составляющая, которое в свою очередь позволяет сохранять целостность общества, государства и саму культуру народа. Культура определена человеческой деятельностью, по выражению академика Д.М. Велланского (1774-1847) «природа – возделанная духом человеческим есть культура, соответствующая натуре» [3, с. 196]. При таком понимании культура играет детерминирующую роль в становлении правосознания общества, переводя нормы права на язык символа и искусства, где искусство есть ни что иное как образное осмысление действительности, познание окружающего мира через образы и метафоры.

Искусство дает представления о добре и зле, прекрасном и безобразном, порочном и добродетельном, правде и лжи, создает образ справедливого и неизбежного возмездия.

В свою очередь юрист – это не только лицо, занимающееся правотворчеством и правоприменением, он представитель конкретного сообщества, конкретной культуры и государства. Так, можно привести примеры соединения искусства и закона в жизни и творчестве: В. Кандинский занимался социальными науками, изучая римское право, уголовное право и криминологию (теорию Ч. Ломброзо); Гёте включил в поэму «Фауст» проблемы зла и наказания; Л.Н. Толстой в романе «Воскресенье» рассматривает вопросы нравственности, судебной ошибки и вины; Ф.М. Достоевский в романе «Преступление и наказание» исследует обстоятельства, мотивы и причины, толкающие человека на преступления, создавая реальные образы и метафоры.

Для современной юридической, экономической науки изучение взаимосвязи и взаимообусловленности культуры, искусства и права, экономики практически сведено к нулю, и причина тому - господствующий в юриспруденции позитивизм, который сводит отношения между личностями, личностью и обществом, обществом и государством к механическим схемам при господстве экономического детерминизма. Еще М. Хоркхаймер подверг критике позитивизм за игнорирование человеческого сознания, за исключение из рассмотрения исторических и социальных условий, влияющих на формирование идей, за убеждение в том, что истина может быть только из чувственного опыта [4].

Современные неопозитивисты, как правило, отказываются от

метафизических проблем в пользу методологических дебатов, касающихся ясности, надежности и валидности; юридический неопозитивизм, как правило, совпадает с «количественными исследованиями», т.е. исследованиями наблюдаемых явлений с помощью статистических, математических или вычислительных методов. Цель количественного исследования состоит в разработке и использовании методов точных наук для анализа социальных, правовых и нравственных процессов.

Можно выделить несколько ключевых особенностей неопозитивизма в праве: ориентация науки на числовой набор инструкций; проблема аксиоматизации, то есть демонстрации логической структуры и последовательности этих заявлений; вера в то, что наука опирается на конкретные результаты, которые отделены от личности; убеждение в том, что в основе наук об обществе и юриспруденции лежат науки об «одном реальном мире», который можно измерить и обчислить. Таким образом, и сегодня неопозитивизм в праве представляет собой все тот же редукционизм, а по существу методологический натурализм и механицизм.

В юриспруденции и теории искусства XIX века главенствующую роль стали играть идеи критического рационализма И. Канта, которые шли вразрез рационалистическим концепциям просветителей XVIII в. Так, согласно его теории разум формируется не в индивидуе, а в человеческом роде, в предшествующих поколениях, в результате человек освобождается от тотальной зависимости от природы, обретает свободу и формирует свое собственное культурное пространство, включая право и государство. В результате делается вывод, что разумное есть культура, а не обобщение и осмысление эмпирической практики субъекта, социальные законы не сводимы к механическим или биологическим, так как намерения людей, их желания зачастую не совпадают с объективным ходом истории.

Таким образом И. Кант подошёл вплотную к диалектике исторического и логического социального развития. Учение Канта также нашло свое отражение и в семантических теориях, в учении о коммуникативной сущности искусства и права. Назначение в искусстве символа в том, чтобы придать эстетическому удовольствию всеобщность, таково же и назначение юридического понятия юриспруденции, а именно: сообщить, транслировать другим – «все равно будет ли это выражено в языке, в живописи или в пластике». Следовательно, к особенностям символа у Канта следует добавить характеристику символа в искусстве как формы, и в праве как юридической категории. Символ в искусстве – это символическая форма, выражающая и коммуницирующая эстетические идеи и «общее чувство» эстетического удовольствия; символ (термин) в праве – зафиксированные и охраняемые государством императивные и диспозитивные требования, они и есть «символические предписания», которые составляют особую группу предписаний [5, 6, 7].

Кроме того, в праве используются символы, которые еще не получили юридического закрепления, но их онтологический смысл ясен и имеет к

праву непосредственное отношение (Фемида как символ правды и правосудия). С точки зрения неопозитивизма, подобные факты юридически ничтожны, тем не менее, они имеют эвристическое значение, заключая в себе правовые ценности, несмотря на то что эти символы не приобретают правового характера. Существуют и символы, которые признаются правом (например, пропаганда нацистской символики служит основанием наложения санкций со стороны государства - ст. 20.3 КоАП РФ). Таким образом, передача, хранение и трансляция информации – важнейшая и существенная предпосылка получения нового знания.

Будучи последователем семантической теории И. Канта, А. Ричардс развивал идею о том, что социальный опыт (право, обычаи, традиции, искусство) накапливается и транслируется с учетом того, что он должен быть аккумулирован и сообщен [13,14]. С его точки зрения искусство и нормы права представляют собой высшую форму коммуникативной деятельности. С этой идеей связан и подход к праву и искусству как символам, в которых заложены нормы и социальные контенты. Кант проанализировал несовпадение логической и культурологической коммуникации, в дальнейшем Ричардс развил идею о применении языка: свойственном искусству и характерным для науки. Следуя кантовской методологии, можно установить связь искусства, использующего символы и образы, с правовыми символами в юриспруденции, основанную на дискурсивном познании. Так, художественный символ и правовой в сущности интуитивны, так как в сущности продиктованы внутренними эмоциональными переживаниями. Для последователей императивного нормотворчества из предписания выводится существующее право, в этом контексте, основанном на теории легизма, позитивное право состоит из правил властного указания, данная тавтология и есть современная концепция права, которая выражает единство «правотворцев» как созидателей права и императивного характера сотворенных ими юридических норм, из которых должно состоять подобное право. Чтобы дать объективную оценку такому радикализму в использовании понятия "правило", можно вспомнить цитату римского юриста Павла, с прямо противоположным смыслом: "Не из правила (regula) выводится право, но из существующего права должно быть создано правило".

Современное право ставит перед собой задачу: отображать и фиксировать, не рефлексировав, объективно это отображение или нет; оно передает форму, но не содержание. Когда сегодня изобретаются правовые нормы, они отражают лишь форму и субъективизм творцов, не отражая «существующего права». Рассудок юриста не сумел воспроизвести материал в форму, соответствующую идее и потребностям общества [8].

Основные идеи Ричардса группируются вокруг проблемы коммуникации и проблемы ценности. Он подчеркивал, что люди не только разумны по своей природе, но социальны, и процесс коммуникации, усвоения традиций, норм начинается с детства. Структура сознания

человека определена тем, что он был вовлечен в процесс социализации в течение тысяч лет, и этот опыт есть ни что иное как духовный процесс накопления, сообщения и сохранения. Теория коммуникации важна тем, что дает ключ к пониманию теории социализации, пониманию сущности и взаимосвязи права и искусства как высших форм коммуникативной деятельности, направленной на сохранение социума. В этой связи коммуникативный аспект права и искусства может быть проанализирован в связи с другими его важнейшими сторонами, в том числе и гносеологической. Ричардс обратился к методам физиологии и психологии для объяснения коммуникации в искусстве, опираясь на бихевиористские тенденции в объяснении сознания, однако такой узкий подход привел к натуралистической концепции, характерной для неопозитивизма в целом. Как известно в позитивизме, если какой-то факт не поддается опытной проверке, он лишается научного смысла, в теории символизма актуализацией этого положения явился центральный принцип о различении символического и эмотивного использования знаков.

Следовательно, символическое использование отвечает принципу верификации и поэтому применяется в науке, напротив, эмотивное не отвечает этому принципу, и является, следовательно, псевдонаучным способом использования знаков. На этом основана идея коммуникативной теории искусства Ричардса – мысль о том, что специфику поэзии и искусства в целом надо искать в особом использовании слов, знаков.

Точно так же и в коммуникативной теории права признается, что право, будучи социо-культурным феноменом, не может существовать вне носителя, который является intersubъективным; правовые нормы, изложенные в текстах определяют рамки легитимной коммуникации, так как признаны всеми участниками отношений. Следовательно можно с уверенностью сказать, что право выражает парадигму, с одной стороны, и объективный факт, социальные ценности, правосознание, тексты, правоотношения и т.д – с другой стороны, где ни один из этих институтов не является подлинным, достоверным в своей отдельности и отвлеченности; эти институты могут быть истинными только в тренде совокупного системного восприятия права. И на этот счет Г. Шеллинг – последователь И. Канта замечает: «Всякое знание основано на совпадении объективного и субъективного. Ибо знают только истинное; истина же состоит в совпадении представлений с соответствующими им предметами» [9, с. 240-241]. Гегель, вступая в полемику с Кантом, отмечает, что когда Кант начинает обсуждать в отношении логики старый и знаменитый вопрос: «что есть истина?», он прежде всего обнаруживает, как нечто тривиальное, номинальное объяснение, гласящее, что истина есть согласие познания с его предметом, — дефиницию, имеющую огромную, более того, величайшую ценность... «То, что желают знать, — указывает далее Кант, — это всеобщий и верный критерий истины для всякого познания; он должен был бы быть таким, который был бы применим ко всем знаниям,

безразлично, каковы их предметы... Было бы нелепо, слышим мы, спрашивать о критерии истинности содержания знания; но, согласно приведенной выше дефиниции истину составляет не содержание, а соответствие его с понятием» [10, с.34].

В работе «Значение значения» доказывается, что «интерпретация любого знака есть наша психологическая реакция», эта реакция интерпретируются как «значение» знака [11].

При дальнейшем исследовании Блекмур сосредоточивается на анализе слов как одной из разновидности знаков. Слово включает в себя некоторое количество элементов: символическое и эмотивное значение, таким образом значение и смысл слова есть часть нашей реакции на слово, которая символизирует саму «мысль»: что именно означает слово и что оно символизирует. Следовательно, мысль представляет собой символическое значение слова, так как она относится к внешнему миру вне субъекта, и таким образом слова через идеи о внешних явлениях обозначают сами эти явления или предметы. Реакция на слово включает «чувство», «эмоции» и «установки», которые составляют эмотивное значение слова.

Сходное понимание развивал польский ученый-правовед Л.И. Петражицкий, развивая концепцию «эмоциональной теории», противопоставляя ее трактовкам права, исходившим из таких понятий как коллективные переживания, массовое сознание. Он считал, что источником права и поступком человека выступают эмоции человека: моральные и правовые: первые связаны с осознанием человеком своей обязанности — это внутренние императивы (мораль), вторые — чувство долга сопровождается представлением о правомочиях других лиц, являются двусторонними, и носят атрибутивно-императивный характер. Существенным является эти эмоции оформить в слова с конкретно наполненным содержанием [12].

В своей неопозитивистской теории Ричардс имплементирует существенную дефиницию между «значением» слов и их «использованием», или «функциями» [13]. Он определяет несколько способов использования слов: символическое, который определяет применение языка в науке, и эмотивное, характерное для функций слов в искусстве. Если использовать слова для передачи информации, «символизировать отношение к референту обозначения – это будет символическое использование (функция) слов» и ясно, что эта функция может быть выполнена через символическое значение слов. Эмотивное использование имеет несколько важнейших функций: выразить чувства к слушателю, донести чувства до референта, т.е. объекта, и вызвать целеположенное восприятие у слушателя. Эмотивное, побудительное значение реализуется через значение слов, ведь язык права, так же как и язык искусства направлен на то, чтобы породить определённые установки и эмоции, чувства, именно это придает коммуникации полный характер по сравнению с той, где имеет место лишь «референция» [14].

Это отличает точные науки, требующие верификации, от искусства, где слова могут использоваться с прямо противоположным значением. Позиционируя это разделение, Ричардс оказался в дилемме дуализма: рационального и символического, так как в искусстве слово может применяться без обращения к смыслу, т.е. «эмотивно».

Важнейшим принципом толкования в искусстве и в праве является осознание ценности языка и слова для интерпретации объективных явлений, особенно это касается нормативных документов, куда закладывается не только формальное значение, но и эмоциональный императив своего времени, имеющий значение в культурном пространстве народа и государства. Особенностью слов в праве и искусстве является то, что трансформация семантики понятий часто связана с переосмыслением объективного мира. Суть трансформации заключается в генетической преемственности, которая артикулирует нормы и веления в понятиях, которые ранее имели уже свое содержание, но вкладывает в них новый смысл, интегрируя в сложившийся контент.

Принимая во внимание многообразие форм и способов изложения правовых норм, и выражение идей в образах искусства, общим для них является то, что их словесная форма должна учитывать и совокупное логическое восприятие, логику мышления, эмоциональную направленность. Искусство как право есть ни что иное как творческая познавательная деятельность, мыслительный акт субъекта, который выражает результат познания как в образах искусства, так и вербально в языке, следовательно языковые модули, употребляемые в юридических текстах и в произведениях искусства встречающиеся могут быть истолкованы опираясь на логику и анализ эмоционального содержания.

Особенность в семантике юридических понятий и терминов искусства связана с переоценкой явлений действительности, которая фиксирует свои императивы в понятиях, созданных ранее, но интегрирует в них иное, отличное содержание, включает их в новые системы ценностей. Смысловой, понятийный набор слов постоянно находится в процессе изменений в силу трансформации смыслообразующих факторов, которые детерминируют включение в систему языковых единиц новые явления и факты. Системный коммуникативный анализ понятий предьявляет к юридическим категориям, содержащимся в нормативных правовых актах, и конкретные языковые требования, отличающиеся от требования интерпретации в искусстве: использование юридического понятия должно подчиняться принципу недвусмысленной интерпретации; принципу классической филологии языковых элементов юридического акта; принципу лингвистической экономии, недопустимости тавтологии, завершенности семантических связей.

В этой связи для юриспруденции уместным будет постепенная стандартизация и унификация неюридических терминов, которые целесообразно закрепить законодательно. Юридические понятия

составляют основу операционного правового сознания индивида и демонстрируют уровень понимания правовых явлений; напротив слова, используемые в разнообразных формах культуры, допускают возможности эмотивного использования языка, без обращения к смыслу слова. Ричардс не отвергает значения для художественного произведения ни смысла слов, ни утверждений, которые могут быть и истинными и ложными. Основной задачей искусства является эмотивное содержание, а символическая составляющая имеет второстепенную роль. Следовательно, главное отличие юридических терминов от терминов в произведениях художественного творчества – это их символическое значение, «смысл» в поэзии служит главным образом не функции сообщения информации, а эмотивной функции, в юриспруденции – наоборот, главным является доведение однозначно-толкуемого смысла, несмотря на присутствие в документе и эмотивного смысла.

Основываясь на этой парадигме, правовая культура общества есть результат объективных знаний, где юридические категории служат оценочным элементом формирования правового бытия и одновременно способствуют отмене устаревших регуляторов. При рассмотрении сущности терминов речь идет не о логике их развития, а об онтологии уже существующих терминов в контексте их функционального значения и использования для выражения смысла текста, различие форм слова носит, следовательно, функциональный, а не сущностный характер. Подводя итог, можно сказать, что процесс инструментализации права прикрывается игнорированием его истинной онтологической сущности, и продолжает обыгрываться нормотивизация, где закон является не только официальной единицей права, но критерием наличия или отсутствия самого права.

В условиях правового государства и господства правового закона роль исходного правового начала, определяющего объективный смысл и значение всех правовых явлений и форм, включая и правовую норму, играет уже сам принцип права, которому должны соответствовать и все нормативные акты, все источники действующего права, все формы его существования. Назначение в искусстве символа в том, чтобы придать единичному всеобщность, таково же и назначение юридического понятия юриспруденции, а именно: сообщить, транслировать другим аккумулированные социальные ценности. Следовательно, к тем особенностям символа у Канта, о которых говорилось ранее, следует добавить характеристику символа в праве, и в искусстве как формы, выражающей идеи и «общее чувство». Таким образом, коммуникабельность – важнейшая детерминанта получения истинного знания, тяготение к общению – важнейший атрибут человека. В обществе право и формы культуры ценятся лишь постольку, поскольку они могут быть сообщены всем. Именно благодаря всеобщей сообщаемости эстетического удовольствия, пишет Кант, оно приобретает интерес для общества. Искусство, право - важнейшее средство общения между людьми,

а государство возникает как средство, инструмент преодоления конфликтов и гармонизации отношений.

Список источников:

1. Теория государства и права. В 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник и практикум для СПО / А. П. Альбов [и др.]; под общ. ред. А.П. Альбова, С. В. Николокиной. — М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 34.
2. Нерсесянц (2012) – Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник / В. С. Нерсесянц. — М.: Норма : ИНФРА-М., 2012.
3. Велланский (1836) – Велланский Д.М. Основные начертания общей и частной физиологии или физики органического мира. СПб. 1836. С. 196.
4. Михайлов (2008) – Михайлов И.А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. — Ч. 1. 1914—1939 гг. — М.: Институт философии РАН, 2008.
5. Вопленко (1995) – Вопленко Н.Н. Правовая символика // Правоведение. — 1995. — № 4-5.
6. Никитин (1999) – Никитин А.В. Правовые символы: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 1999.
7. Кругликов(2005) – Кругликов Л.Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, О.Е. Спиридонова. — СПб. 2005; и др.
8. Лукач (1936) – Лукач Г. Шиллер и Гете в их переписке.// Литературный критик 1936 № 9.
9. Шеллинг. Система трансцендентального идеализма. Сочинения в 2 т.: Пер. с нем. Т. 1/Сост., ред., авт. вступ. ст. А. В. Гулыга. — М.: Мысль, 1987. — С. 232.
10. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. М., «Мысль», 1970. С. 34.
11. Blackmur R.P. Language as Gesture. London, 1954.
12. Петражицкий (2011) – Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб. «Университетский издательский консорциум „Юридическая книга“», М., 2011.
13. Richards (1965) – Richards J.A. *The philosophy of Rhetoric*. New York, 1965.
14. Richards (1950) – Richards J.A. *Coleridge on imagination*. New York, 1950.

References:

Theory of state and law. In 2 vols T. 1. *The general part: the textbook and the workshop for the STR* [Teoriya gosudarstva i prava. V2 t. T.1. Obshchaya chast': uchebnik i praktikum dlya SPO] / AP Albov [and others]; under the Society. Ed. A.P. Albova, S. V. Nikololyukina. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2016. P. 34.

Nersesyanc (2012) – *Nersesyants V.S. General theory of law and state: a textbook* [Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik]/ VS Nersesyants. - Moscow: Norma: INFRA-M., 2012.

Vellansky (1936) – *Vellansky D.M. Basic outlines of general and particular physiology or physics of the organic world*. St. Petersburg. 1836. P. 196.

Mihajlov (2008) – *Mikhailov I.A., Max Horkheimer. The formation of the Frankfurt School of Social Research* [Stanovlenie Frankfurtskoj shkoly social'nyh issledovaniy- Part 1. 1914-1939 years. – М.: Institute of Philosophy

RAS, 2008.

Voplenko (1995) – *Voplenko N.N. Legal symbolism* [Pravovaya simbolika]// Jurisprudence. - 1995. - № 4-5.

Nikitin (1999) – *Nikitin A.V. Legal symbols: Author's abstract. dis ... cand.*[Pravovye simvolyy: Avtoref. dis... kand. jurid. nauk] jurid. sciences. – N. Novgorod, 1999.

Kruglikov (2005) – *Kruglikov L.L., Spiridonova O.E. Legal constructions and symbols in criminal law* [Yuridicheskie konstrukcii i simvolyy v ugolovnom prave] – St. Petersburg. 2005; and etc.

Lukacs (1936) – *Lukacs G., Schiller and Goethe in their correspondence* [SHiller i Gete v ih perepiske]. Literary critic, 1936. No 9.

Schelling. *The system of transcendental idealism.* [Sistema transcendental'nogo idealizma.]. Works in 2 t: Per. with him. T. 1 / Comp., Ed., Authors. entry. Art. A.V. Guliga. - Moscow: Thought, 1987. - P. 232.

Hegel, Georg Wilhelm Friedrich (1970) – *Science of Logic.* [Nauka logiki.]. In 3 volumes. T. 1. M., "Thought", 1970. S. 34.

Blackmur (1954) - *Blackmur R.P. Language as Gesture.* London, 1954.

Petrazhitsky (2011) – *Petrazhickij L.I. Teoriya i politika prava. Izbrannyye trudy* [Theory and policy of law. Selected works]. scientific. Ed. E.V. Timoshina. St. Petersburg. "University Publishing Consortium" Legal Book ", M., 2011.

Richards (1965) – *Richards J.A. The philosophy of Rhetoric.* New York, 1965.

Richards (1950) – *Richards J.A. Coleridge on imagination.* New York, 1950.